

РАСПЛАТА

Карьера Пресс
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-445
Х72

Перевод с английского Ирина Ющенко
Scott J. Holliday
Punishment

First edition: Thomas & Mercer, Seattle, 2016

Холлидей С. Дж.

Х72 Расплата / Скотт Дж. Холлидей [Пер. с англ. И. Ющенко]. — М.: Карьера Пресс, 2020. — 272 с.

ISBN 978-5-00074-199-3

В распоряжении детектива Джона Барнса из отдела расследования убийств передовое творение науки — аппарат, который позволяет извлечь воспоминания жертвы о последних минутах жизни: звуки, запахи, боль. Барнс переполнен чужими воспоминаниями. Переполнен чужим страхом. В его голове живут голоса всех этих жертв. Они бессильны, но не умолкают ни на миг... Калавера, серийный убийца, который всегда выходит на дело в маске с черепом, наносит удар совсем рядом. И теперь Барнс снова должен окунуться в чужие воспоминания и рискнуть даже не жизнью — разумом. Ибо убийца хранит в себе тайну, о которой Барнс и не подозревает...

Скотт Дж. Холлидей стремительно набирающий популярность автор. Первые его романы, «Веснянка» и «Норма», участвовали в Literary Blockbuster Challenge на INKUBATE.com и принесли автору признание.

ISBN 978-5-00074-199-3

Text copyright © 2018 by Scott J. Holliday
© ООО «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке, 2020
All rights reserved
Cover Design by Damon Freeman
This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

*Здесь все начинается и посвящается Николь,
которая пребудет до конца. Заб.*

Реальность существует лишь в человеческом сознании,
и более нигде. — *Джордж Оруэлл*

Детектив отдела расследования убийств Джон Барнс устроился с бутылкой бурбона в неприметном седане и потягивал алкоголь прямо из горла. Он смотрел сквозь ветровое стекло на неработающую автозаправку, послужившую детективу парковкой. Было темно. В витрине продуктового магазина проступали темные контуры стеллажей да тускло светились автоматы с газировкой и кофе-машины. Висевший в витрине знак «Открыто» слепо тарачился негорящими лампочками. Барнс закрыл глаза. Уронил голову на руль, провел рукой по макушке, ощутив под пальцами наросшую за несколько дней щетину. Тихо шипел и пощелкивал остывающий двигатель. На ум пришло непрошеное воспоминание: заставка с витрувианским человеком, надпись «Приготовьтесь к передаче» поверх рисунка. Заставка чем-то неувовимо напоминала черно-белую настроечную таблицу на экране телевизора, только вместо головы индейца на ней раскинул руки идеальный человек Да Винчи. В памяти зазвучал женский голос: «Приготовьтесь к передаче».

Барнс хмыкнул, дернул ручку двери и практически вывалился из машины, но в последний момент уцепился за край двери и устоял на ногах. Бурбон в животе плеснул в такт бурбону в бутылке. На Барнсе была рубашка с галстуком и кожаная куртка,

плечевая кобура с пистолетом «Глок» сорок пятого калибра, черные брюки и черные ботинки. Бляху Барнс носил на цепочке вокруг шеи, и на груди привычно покоилась тяжесть металла. Он отхлебнул из бутылки, крикнул и оглядел темную улицу. Сразу за заправкой находился переезд Кальвари, где встречались три дороги: Восемимильная улица, которую перерезал железнодорожный переезд Канадско-Тихоокеанского направления, а понизу, в трубе беззаботно плескалась река Руж. За переездом начинался необъятный лес Уайтхолл, и проступающие силуэты дубов и кедров в темноте казались клубами поднимающегося от земли черного дыма. Воздух, пропитанный запахами кедровой смолы и озона, отдавал бензином — вклад автозаправки. Мальчишкой Барнс страшно любил запах бензина. Вот и сейчас он потянулся, расправил грудь и с наслаждением вобрал воздух в легкие.

Полосатые шлагбаумы на переезде смотрели прямо в небо. Носы их покачивались на ветру и отчего-то напоминали копья средневековых рыцарей, занесенные в последние мгновения перед сшибкой. Чуть подальше у железнодорожных путей стояли полукругом три невысоких белых креста, средний — чуть выше и на шаг дальше двух других. У подножия крестов валялись увядшие цветы, перекладины крестов, словно татуированные руки, несли на себе имена погибших. Кресты были поставлены в память всех тех, кто погиб на переезде за годы его существования. Кого-то сбила машина, кто-то угодил под поезд, некоторых погубила вода. Эти-то кресты и дали переезду то имя, под каким его знал весь город. В прежние времена люди приносили сюда венки на импровизированных треножниках и втыкали в землю где хотели, и в конце концов власти расчистили территорию, установили три креста и заявили, что этого довольно. И люди стали писать имена ушедших маркерами на перекладинах.

Барнс бросил в крест бутылку. Бутылка звонко ударилась о подножие креста и разлетелась осколками. Барнс постоял, принюхи-

ваясь, ловя запах пролитого бурбона, и вот наконец беззаботный плеск речных волн утонул в звуке, похожем на вой поднимающегося ветра.

Это шел поезд.

Асфальт под ногами Барнса задрожал. Барнс достал из кармана куртки резиновый кошелек со знаком Бэтмена на боку и шестью четвертаками в резиновом брюхе. Кошельки такого рода нравятся детям и старикам — сожмешь ему бока, и кошелек развяжит рот, словно рыба, вытщенная из воды. Барнс покачал кошелек на ладони, словно взвешивая, и сжал кулак. Переезд оживал. Зазвенел сигнал, словно молоточек бил в стальной лист — дон-дон-дон-дон-дон-дон-дон. Замигали красные фонари. С механической точностью опустили, перекрывая дорогу, полосатые шлагбаумы. На смену звуку поднимающегося ветра пришел стук копыт тысяч бешено скачущих лошадей.

Барнс шагнул к путям и обошел опушенный шлагбаум. Асфальт под ногами уже не дрожал — ходил ходуном. Захрустела щебенка под ботинками, и в стальных рельсах отразился лунный свет. Барнс встал между рельсами, лицом к надвигающемуся поезду, обе ноги на деревянной шпале. Было так холодно, что в носу застывали ледышки. Морозный воздух охлаждал грудь. Фонари на переезде окрашивали перекресток в красный, гасли и снова вспыхивали, освещая происходящее, пока из-за поворота в четверти мили от переезда не показался состав, заливший окрестности ярким белым светом прожектора

В кармане брюк зажужжал телефон. Барнс подумал, что можно бы и ответить, и рассмеялся вслух. «Да какая теперь разница?» И все же он разжал кулак и достал из кармана телефон.

Он вздрогнул, когда поезд троекратно взревел — два коротких оглушительных гудка и третий, протяжный рев, такой невыносимо громкий, что от него звенело в костях. Сидуэт поезда за фонарем прожектора становился все больше. Белое пламя поднималось выше, освещая рельсы и деревья вокруг. Свет, поначалу бывший

не ярче огонька свечи, подрос и стал напоминать луч фонаря, потом — лампу в комнате для допросов и наконец залил переезда невыносимым белым огнем ядерного взрыва. Детектив Барнс прищурился и закрыл ладонью глаза. Дыхание частило и сбивалось. Стиснув зубы, он заставил себя убрать руку от лица и сжал пальцы в кулак. Шпалы у него под ногами зарокотали и затряслись. Он нагнул голову и приготовился к столкновению.

Пальцем большой руки он нажал клавишу на телефоне. В слепящем свете, отводя глаза от фонаря, он едва разглядел скудное, на несколько слов сообщение:

Опять Калавера. Кенсингтон-стрит 1124.

Барнс шагнул в сторону.

Поезд с криком понесся мимо, грохоча и скрежеща, ураганом разметая опавшие листья. Задрожали шлагбаумы, словно рыцари со своими копьями доскакали до середины ристалища и ударили друг другу в щиты.

Барнс сунул телефон в карман и вышел за шлагбаум. Потом повернулся и стал смотреть на идущий мимо состав. Поезд с силой расталкивал холодный воздух, пропитанный запахами стали и дыма. Между вагонами, как в детской вертушке с картинками и прорезями, мелькали кусочки светлеющего утреннего неба. В этот миг Барнс словно перенесся на двадцать лет назад, в день, когда двенадцатилетним мальчиком стоял на этом самом месте. Он уронил велосипед наземь, и заднее колесо его все еще крутилось. А он смотрел, лоя взглядом щели между вагонами, пытаясь разглядеть своего десятилетнего брата Рики по ту сторону рельсов — одна нога стоит на педали, другая упирается в землю, и брат ждет, когда пройдет поезд.

Промелькнул последний вагон, и над горизонтом за лесом открылось начинающее светлеть небо. Поднятые поездом листья, кружась, опускались на землю. Погасли и не зажглись снова крас-

ные фонари, замолчал сигнал. Полосатые, как конфеты, шлагбаумы снова усталились в небо. Лопотанье бурливой реки заглушало удаляющийся грохот поезда.

Утро прорезал чей-то голос:

— Эй, приятель, что ты там забыл?

Барнс повернулся и увидел в дверях заправки пожилого мужчину с ключами в руках. Голубой комбинезон. Гнусавый недоверчивый голос. Что ж — годы такой работы, когда того и гляди обведут вокруг пальца, не залетные ограбят, так местные детишки стянут батончик со стойки, — годы любого научат смотреть цепко и недоверчиво. Стоя в дверях, старик дернул за цепочку у витрины, и знак «Открыто» ожил и замигал красным и голубым. Включил свет внутри: пусть все видят, что здесь можно купить суши, чипсы, и майонез в маленьких баночках, и арахисовое масло на случай, если вы едете на пикник. Там, где когда-то стояли два игровых автомата, теперь высилась стойка для разлива газировки.

— Кофе сделаете? Только побыстрее, — крикнул в ответ Барнс.

К дому номер 1124 по Кенсингтон-стрит Барнс подъехал в тот самый миг, когда в дверях показались техники, толкавшие перед собой машину. Барнс быстро залил в себя кофе, чтобы заглушить запах бурбона. Дом представлял собой типичную подделку под деревенский стиль. Он был не один такой: досужему наблюдателю могло показаться, что все окрестные дома отштамповали в одной и той же форме, а потом взяли вторую и наштамповали одинаковых простейших седанов, которые затем расставили на подъездных дорожках. Дома различались только цветом ставней. Барнсу тут же представилось, как зубастая риэлторша с жирно напомаженными губами рассказывает паре клиентов из эпохи шестидесятых, что цветные ставни придадут их дому индивидуальность.

Ставни дома номер 1124 по Кенсингтон-стрит были бежевого цвета.

Барнс внимательно оглядел дома по соседству. Синие ставни, зеленые ставни, лиловые и опять бежевые. На верандах стояли люди в халатах и тапочках, футболках и пижамных штанах. Руки прижаты ко рту или к горлу, глаза большие и испуганные, кто-то непроизвольно покачивается. Сколько таких перепуганных лиц видел Барнс за время своей службы? Сотни? Тысячи? Они всегда выглядят одинаково. К убийству и смерти привыкнуть невоз-

можно — вот почему вечерние новости всегда начинаются с чего-нибудь покровавее. Скажите нам, что океан вскипел или что озоновый слой сделан из сыра, и мы зевнем и переключаемся на «Теорию Большого взрыва». Но если вы скажете, что нашего соседа зарубили топором, мы тут же нажмем на паузу и побежим к микроволновке, чтобы торопливо приготовить попкорн.

Черно-желтые полицейские ленты огораживали пространство между уличным фонарем, дальним краем двора и изгородью по эту сторону одноместного гаража. Полицейский, которому Барнс показал свою бляху, приподнял ленту, но невысоко, и Барнсу пришлось пригнуться.

Техники стояли на подъездной дорожке и возились с машиной, подготавливали ее к транспортировке.

— Сколько там? — спросил Барнс, глядя на Вардена, старшего техника при машине.

— Из девчонки выкачали минуты три, — сказал Варден. — Может, что и получится.

Глаза у него были маленькие и блестящие, как у енота, нос — длинный, с продолговатыми ноздрями. Всем своим видом и манерой двигаться Варден напоминал Барнсу ГЭР — грызуна экстраординарных размеров. Барнс так и видел, как Варден в свободное от работы время прячется в темном переулке, бормоча себе под нос, поджидает случайного прохожего и бросается на него, резво перебирая всеми четырьмя лапами.

— Из мамы секунд тридцать, а с папы, скорее всего, вообще ничего, разве что пара глюков. Плохой контакт, не с чем работать.

Барнс кивнул. Отпив еще кофе, он покатал его во рту и проглотил, глядя, как Варден и смуглая как миндаль женщина явно латиноамериканской крови убирают машину. Эту женщину Барнс видел впервые. Она была молода и даже довольно хороша собой. Черные волосы туго стянуты в хвост, глаза в утреннем свете зо-

лотисто-коричневые. Уголок плотно сжатых губ подрагивал, но руки делали свое дело быстро и ловко. Одетая она была в строгий брючный костюм, который скрывал больше, чем показывал. А она умна. Дай слабину — и тебя тут же сунут за стол в приемной, чтобы ты улыбалась и варила кофе, а мужчины в кожаных креслах, удобно откинувшись для лучшего обзора, будут любоваться тем, чего давно уже нет у их жен.

Машина стояла на серой каталке вроде медицинской. Техники сложили ножки каталки и задвинули машину в фургон.

Машина. Бесчисленные диски и переключатели, трубки и присоски да игла на конце. Барнсу машина напоминала устройство для электрошока, какие были в ходу на заре психотерапии, вот только эта штуковина не поджаривала мозг, а извлекала его из одного человека и запихивала в другого. Барнс не знал, как это работает. Что-то там с корой головного мозга, с перехватом импульсов в гиппокампе... Некоторые импульсы несли с собой воспоминания, и машина каким-то образом отделяла истинную память от воображаемых образов. Более того: машина умела сложить воспоминания в хронологическом порядке. Она позволяла извлечь и сохранить воспоминания о том, что произошло при жизни, в момент смерти и даже в первые мгновения после смерти. Затем к машине подключали другого человека, аппарат давал обратный ход, и сохраненные воспоминания обретали нового владельца. Машина была разработана и создана для поиска преступников, однако весть о ее появлении произвела не меньше шума, чем известие об открытии отпечатков пальцев. Преступники прошлого пожалы плечами и стали надевать перчатки; современная братия, готовясь к преступлению, почти всегда напяливала черную маску.

Нетрудно догадаться, что машина недолго оставалась исключительным достоянием правоохранителей. Ее появление породило новый пласт проблем и новый наркотик для нового тысячелетия. Машины становились объектом краж — их воровали со складов,

останавливали грузовые автомобили, как когда-то поезда на Диком Западе, и избавляли их от ценного груза. Технологию поставили с ног на голову, научились воспроизводить составляющие сыворотки. Кустарное производство машин было запрещено, но их все равно делали и продавали. Воспряли черные рынки. Росли как грибы наркопритоны нового типа — лишь бы сеть хорошо ловила. Звезды стали торговать своими воспоминаниями. «Один день в теле Ким Кардашьян». «К черту порноролики — стань актером, который трахает старлетку». «Стань старлеткой, которую отымали». Потом подтянулись спортсмены. «Отметель противника». «Дай себя отметить!». «Забей решающий мяч». «Заработай тачдаун». «Уложи мяч в кольцо». За ними повалили звезды классом пониже — порноактеры, циркачи, уличные музыканты, сорвиголовы, — а там и простые люди поняли, что могут торговать своими воспоминаниями ничуть не хуже звезд. «Добейся повышения». «Покури крэк». «Уколись героином». «Набей тату». «Ешь весь день и не толстей». «Хочешь попробовать умереть?»

Развлекательной индустрией дело не ограничивалось. Ученые стали искать способ лечить пациентов чужими воспоминаниями или даже их собственными, взятыми из счастливых периодов жизни. Воспоминания помогали забыть о боли во время операции или пережить химиотерапию. Военные придумывали новые способы пытать военнопленных. Богачи искали возможность жить вечно и копили воспоминания, чтобы после смерти закачать их в новое тело.

А еще машины помогали вершить возмездие. Машины были не только у полицейских и детективов, расследовавших убийства — сотни машин появились в тюрьмах и психиатрических лечебницах, где их использовали для реабилитации. Каждую секунду десятки убийц, насильников и домашних абьюзеров по всей стране получали воспоминания о собственном преступлении, но — с точки зрения жертвы. Удар, от которого хрустит и ломает-

ся нос, столкновение черепа с кувалдой, обжигающая пуля, неопишуемое ощущение, с которым расступается перерезанное горло. Они ощущали запах крови и пороха, вдыхали феромоны страха. Они слышали крики, плач, тщетные мольбы о пощаде. «Заводной апельсин» в подметки не годился машине, ну, а Барнс успел перепробовать все кары на собственной шкуре.

Барнс повернулся. Его напарник, Здоровяк Билли Франклин, стоял на тротуаре перед домом номер 1124 по Кенсингтон-стрит. Здоровяком лейтенанта-детектива прозвали не зря. Юношей он изучал уголовную юстицию в Уэйне и играл нападающим за тамошнюю команду, предпочитая в игре стиль жесткий и агрессивный. Но НФЛ не заинтересовалась новичком, и Здоровяк Билли решил применить полученное образование на практике. Начинал он как патрульный, однако вскоре включил мозги и был повышен до детектива. Теперь ему было хорошо за пятьдесят, но он оставался здоровяком — разве что мышцы слегка одрябли. В алых лучах утреннего солнца Франклин казался статуей из некрашеной глины. Он кивком указал на фургон с машиной:

— Ждешь, любовничек? Она по тебе тоже соскучилась.

От его слов у Барнса зачесались незажившие следы уколов в сгибе локтя. Голова болела, зубы болезненно ныли, словно по ним ударили камертоном.

— Через пару часов подготовим, — сообщил Варден, высунув из фургона свою крысиную мордочку. Он любовно погладил машину по боку, подмигнул и юркнул внутрь, закрыв за собой двери. Двое из оцепления наступили на ленту, огораживающую место преступления, фургон переехал ее и покатил прочь.

— Что у нас тут? — спросил Барнс, вместе с Франклином шагая к парадному входу.

— Ты сам как? — спросил Франклин.

— В норме.

— Пил?

Барнс промолчал.

Франклин покачал головой и кивнул в сторону дома.

— Три трупа.

Он поднес к глазам маленький черный блокнот, перелистнул страницу.

— Семейство Вилсонов. Дейл, жена Андреа, дочь Керри. Отца убили первым. В постели, скорее всего, во сне. Он даже не проснулся. Вот жена, та, похоже, успела выскочить из кровати, самую малость не добежала до двери. Ударили в спину. Могла увидеть что-нибудь, когда проснулась. Или обернуться, когда падала. Добили ударом в затылок.

— А дочь?

Франклин перелистнул страницу. Шумно вдохнул и выдохнул.

— Пряталась в стенном шкафу. Нашли, вытащили в коридор. Могла проснуться от шума. Сумела закричать. Соседи говорят, они слышали.

— Это они вызвали полицию?

— Да.

— С ними поработали?

— Да. Флэгерти записал их показания. Сразу говорю, больше они ничего не знают.

Барнс взялся за переносицу.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала.

— Пей свой кофе и за дело, — сказал Франклин. С этими словами он спустился с крыльца и подошел к полицейскому из оцепления.

— Векслер, предупреди, когда явятся коронеры.

Барнс вошел в дом. Внутри стоял тяжелый металлический запах крови. И мочи тоже, и дерьма — последнего, неизбежного унижения, которое несет с собой смерть. Попахивало плесенью, это явно из-под пола. Вдоль небольшой гостиной лицом друг к другу стояли, словно скамьи в импровизированной церкви, два

дивана в турецких огурцах. Судя по следам на ковре, перестановкой мебели здешние обитатели не увлекались. Да и куда тут! Что переставишь в такой комнатушке? У дальней стены на тумбе стоял плоский телевизор в окружении каких-то полочек, сплошь уставленных фарфоровыми фигурками сов, черепах и голубей. Имелся даже один жираф с перебитой и подклеенной шеей. Полкой выше выстроились бесчисленные коллекционные солонки и перечницы — с Томом и Джерри, Эбботом и Костелло, гербами Старков и Ланнистеров. Некогда белые стены явно нуждались в свежей краске. Старые розетки на две дырки потемнели от времени, а на стенах над ними кое-где виднелись подпалины.

Коридор в доме был всего один, но Барнс даже заходить туда не стал. Там ходили люди, звучали голоса, поблескивали вспышки фотоаппаратов. Он ушел на кухню.

Маленький холодильник со скругленными гранями, металлическими ручками и петлями двери. Старье. Холодильник был увешан рекламными магнитиками риэлторов и стоматологов — улов из рекламных писем, которые всем своим весом так и намекают, что в них лежит нечто ценное. Брехня, конечно, разве что вам и впрямь очень хочется знать, что риэлтор Джо Лаймон — твой добрый сосед, который всегда готов прийти на помощь. Из-под магнитов свисали списки покупок, чьи-то рождественские фото и разноцветные рисунки — должно быть, авторства юной Керри. Барнс присмотрелся к календарю, озаглавленному «Домашние задания миссис Макинтайр — математика, 5 класс». Учебный год начался совсем недавно, и в календаре было вычеркнуто лишь несколько дней. Ближе к полу на холодильник были наклеены магнитные буквы. По большей части как попало, но в одном месте буквы складывались во фразу: «слишком поздно». Буквы были покрыты дактилоскопическим порошком.

Электрическая плита заплывла жиром. От нее исходил запах бургеров, свинины и бобов. Барнс открыл шкаф — коробки мака-

рон с сыром, брикеты лапши быстрого приготовления, жестянки со спагетти. Стол с закругленной пластиковой столешницей и побитыми ржавчиной золотистыми ножками словно перенесся сюда из семидесятых. Винил на стоящих вокруг него стульях потрепался и был подклеен скотчем. Замок стеклянных раздвижных дверей давно уже не закрывался, и, чтобы запереть дверь, хозяева приспособились подкладывать на ее направляющие ошкуренную палочку. От палки остались только обломки, и дверь стояла нараспашку. Она вела в маленький внутренний дворик — квадрат три на три метра, выложенная кирпичом площадка, черные кованые стулья и стол с сетчатой столешницей, но без зонтика. Криминалисты уже сняли отпечатки — рама была припудрена серым порошком. В самом низу виднелась характерная вмятина от кирки Калаверы. Он уже как минимум однажды проникал в дом этим путем: просовывал в щель острие кирки и давил медленно и упорно, так что деревянный штырь трескался, а металлический сгибался. У Вилсонов штырь был деревянный — подпиленная рукоятка метлы, — и он треснул посередине, словно дерево от удара молнии.

Сломанный замок плюс излюбленное орудие Калаверы считались главной уликой в этом деле. Бывший детектив Том Уоткинс, а до него — Франклин, а теперь — Барнс и опять-таки Франклин перебивали во всех немногочисленных магазинах инструментов и хозяйственных товаров в округе, пытаясь найти того, кто недавно покупал кирку, но тщетно.

Барнс прошел сквозь дверной проем и очутился в небольшом обнесенном сетчатым забором дворике. Детектив представил, как человек в маске-черепе, расписанной узорами ко Дню мертвых, прыгает через забор и крадучись идет к дому. В воображении детектива он был одет во все черное, перчатки — и те черные. Пришелец остановился посреди двора, наклонил голову, помахал Барнсу и исчез, словно в плохом кино.

Барнс повернулся, собираясь уходить, но тут его взгляд при-

влекло нечто неожиданное — небольшое зеленое пятнышко на кирпиче дорожки. Он наклонился и увидел лист — или, как некоторые считают, иголку — кедра, раздавленную чьей-то ногой. Барнс задрал голову и огляделся, но на фоне утреннего неба чернел лишь дуб да несколько кленов. Детектив поднял иголку и убрал ее в пакетик.

В доме послышался голос:

— Мы всё?

— Да, — ответил второй голос, — вроде всё.

Барнс вернулся на кухню, а оттуда вышел в коридор. Фотограф, снимавший место преступления, убирал свое оборудование в жесткий кофр с металлическими уголками. С появлением машины эти ребята больше не пользовались тем уважением, что прежде, да и платить им стали меньше, и фотографы все время были новые, приходившие на место уволившихся. У этого, молодого, небось, еще молоко на губах не обсохло. Вторым оказался Адриан Флэгерти, веснущатый полисмен с широким плоским лбом и тонким голосом. Флэгерти был задира и вечно лез на рожон; Барнс подозревал, что парня в детстве изводили все кому не лень. Запустив большие пальцы за ремень, он наблюдал за фотографом.

— Здоров, Барнс, — сказал Флэгерти.

Барнс кивнул.

Фотограф вышел, и Барнс увидел тело девочки. Она сидела, привалившись спиной к высокому, во всю стену, зеркалу, и смотрела перед собой. На стенах и на зеркале вокруг нее проступала кайма припорошенных порошком отпечатков пальцев. На висках виднелись аккуратные круги сантиметров по пять в диаметре — следы от присосок машины. На руке — след от укола: техники откачивали сыворотку с помощью искусственного сердца. Из ранки еще капала белесая опалесцирующая жидкость, которая смешивалась со стекающей по руке детской кровью, превращая ее из темно-красной в нежно-розовую.

Она казалась живой, досужий наблюдатель решил бы, что девочка просто присела отдохнуть — если бы не кирка, под весом которой тело слегка наклонилось вперед. Длинная деревянная рукоять упиралась в пол посреди лужи крови, которая натекла между ног. Узкий конец кирки вошел в тело над левой ключицей, перебив кость. Металлический клюв глубоко погрузился в плоть. У Барнса кольнуло в животе, в том самом месте, где, по его прикидкам, оказался конец кирки. В застывшей левой руке девочка сжимала фонарик.

— Что думаешь? — спросил Флэгерти. Он жевал резинку, и, когда заговорил, Барнс различил запах — виноградная.

— Думаю, что тебе пора на выход.

Флэгерти выразительно фыркнул, сложил руки на груди и зачавкал жвачкой. На лице у него была презрительная ухмылка.

— А волшебное слово?

«Скажи ему, чтобы шел к черту», — отозвался мужской голос в голове у Барнса.

«Ш-ш-ш», — подумал Барнс. Бурбон подступил к горлу. Барнс закрыл глаза и сглотнул. Ноги были как ватные. Он сделал глубокий вдох и постарался поглубже вбить воображаемую затычку.

— Выметайся, пока я тебе башку не снес — вот тебе мое волшебное слово, — это был Франклин, который давно уже был в доме и теперь вышел в коридор за спиной у Барнса.

Флэгерти снова фыркнул и медленно приблизился к детективам, громко при этом чавкая и сверля Барнса взглядом. Боком протиснувшись между детективов, он бросил:

— Смотри, допрыгаешься, клоун.

— Да ты прямо напрашиваешься, сынок, — заметил Франклин, выходя из дому вслед за Флэгерти. Он уже почти закрыл дверь, но остановился и оглянулся. В это время во двор въехала еще одна машина, и за спиной у Франклина замелькали красные и синие огни.

— Ты точно в порядке?

Барнс кивнул.

— Мы еще не нашли.

— Я найду. Выключи свет.

Франклин щелкнул выключателем и закрыл дверь. Барнс выключил свет в коридоре и остался в темноте, как Калавера. Заправив конец галстука в нагрудный карман рубашки, он натянул латексные перчатки, достал диктофон и фонарь с длинной черной рукоятью. Перехватив фонарь как дубинку, Барнс включил его и поднес к губам микрофон.

— Зеркало цело, значит, девочку усадили аккуратно. Возможно, фонарик ей в руку вложили уже после смерти.

Луч фонаря прошелся по висевшим в коридоре фотографиям в рамках. На всех были одни и те же три человека, счастливое маленькое семейство. Квадратные рамки, прямоугольные, овальные, из металла, из дерева... Девочка выросла бы красоткой. Отец был неплох, хоть и начинал лысеть, а мать оказалась потрясающей красавицей. Глядя на эту троицу, Барнс вспомнил о том кратком периоде, когда он у родителей был один и на сцене еще не появился Рики, младший брат. От той поры у него остались обрывочные воспоминания — футбольный мяч, осенние листья, клетчатые штанишки — и всего две фотографии на стенах родительского дома, мама, папа и Джонни. Родители частенько со смехом вспоминали, как через несколько дней после появления Рики Джонни недоуменно спросил: «А когда его заберут папа с мамой?»

Барнс поочередно приподнял каждую фотографию и заглянул под нее, хотя найти стихотворение здесь не рассчитывал: глаза девочки смотрели не сюда. Обойдя кровавые пятна на ковре, он осветил в главную спальню. Гибель отца Франклин описал точно: он так и остался лежать в постели с размозженным черепом и грудной клеткой. Если бы не человеческие ступни и кисти, а также пижама, в этом месиве трудно было бы узнать человеческое тело. Иногда увиденное на месте преступления бывало даже хуже

выдаваемого машиной возмездия в реальном времени. Оказаться в теле человека, который открывает глаза за миг до наступления смертельной черноты — просто счастье по сравнению с необходимостью рассматривать результаты применения кирки в реальной жизни.

Барнс снова заговорил в диктофон:

— Скорее всего, отца ударили во сне, но он мог что-то видеть. Не пропускайте его.

Жена лежала в постели рядом с мужем, однако ясно было, что ее уложили туда уже после смерти: лужа крови на ковре и кровавый след до самой кровати явственно указывали на ее первоначальное положение. Глаза у нее были закрыты, как будто она уснула сидя. Руки она сложила на животе крест-накрест, и, если бы не пятна на висках, походила бы на терпеливую посетительницу, ожидающую своей очереди у кабинета врача или в автосервисе. Лицо у нее уцелело, но сгусток крови на затылке говорил сам за себя. Пижама у нее была атласная — зеленая, с кружавчиками. Не пижама — белье. При мысли о том, что в последнюю ночь своей жизни эти люди занимались сексом, Барнс ощутил укол зависти. Мысли такого рода у него бывали, и он всякий раз гадал, не говорит ли это о какой-то его порочности, однако в настоящий момент все это было не важнее сквозняка из замочной скважины. Он снова взялся за диктофон:

— У женщины закрыты глаза. В спальне можно не искать.

«Ищи рядом с девочкой», — произнес у него в голове женский голос.

«Вот-вот», — подхватил другой, надтреснутый и пропитой.

«Ш-ш-ш».

Спальню уже обработали дактилоскопическим порошком; можно будет прийти сюда попозже, если потребуется. Барнс повернулся к комнате спиной. Миновав дверь в ванную, напротив которой сидела девочка, он посветил в ее спальню. На какой-то

головокружительный момент ему представилась их с братом детская комната — с плакатами, на которых красовался Брюс Ли, со стопками комиксов по углам, с игровой приставкой и старым телевизором, который отдали им папа с мамой. Иногда приставка не работала, и тогда надо было с силой подуть в картридж. Техникой заведовал Барнс: он вставлял картридж и с силой нажимал сверху. Рики закрывал глаза, стискивал руки, как в молитве, и искоса подглядывал, когда звук сжимаемой пружины оканчивался щелчком, говорившим о том, что картридж вставлен успешно. Барнс нажимал кнопку «Reset», ухмылялся и с размаху хлопал Рики по плечу: «Ну, сейчас я тебе задам!»

Барнс моргнул, и комната его детства исчезла. Спальня Керри Вилсон могла бы служить святилищем Джастина Бибера, а кроме того, явственно свидетельствовала о том, какая пропасть лежит между девочками и мальчиками. В этой комнате все лежало по местам, в то время как спальня братьев Барнс больше всего походила на магазин старья, которое свалили в кучу и не удосужились разобрать.

Входить Барнс не стал. Он присел на корточки рядом с телом девочки и наклонил голову, чтобы посмотреть под тем же углом. Поднял фонарик на уровень глаз, чтобы увидеть, куда устремлен невидящий взгляд. Тут ему пришло в голову, что очень скоро он увидит все то же самое, но уже глазами Керри Вилсон — за мгновение до смерти, ощущая всю ее боль и ужас. В груди и в голове зарокотало. Очень хотелось плюнуть на все, но он взял себя в руки и сконцентрировался.

«Вот оно».

Рядом с ногой девочки из-под лакированной черной плашки торчали коверные нити. В этом месте явно снимали плинтус.

«Нашел!»